

Глава 35 Бешеный пес

"Чеман, что ты делаешь!"

Некоторые вожди племени, казалось, предчувствовали, и яростно ревели.

Чи!

Длинный меч беспрепятственно вонзился в грудь вождя племени, и хлынувшая кровь забрызгала Цимана.

"Чиман! Ты смеешь убивать нас?"

Чи!

Циман ответил на вопросительный взгляд действиями и в мгновение ока убил еще одного вождя племени.

Деревянный дом внезапно закипел, а оставшиеся вожди ругались и боролись.

Но Чиман был невозмутим и продолжал идти к следующему вождю племени.

"Подожди! Чиман, я готов сдаться, я готов сдаться..."

Чи!

Чиман снова взмахнул мечом, как будто зарубил дикого кабана.

"Ты безумец! Ты предатель! Мы уже сдались! Почему ты хочешь убить нас!"

Чи!

"Воины племени Длиннобородых отплатят мне..."

Чи!

...

Запах крови заполнил закрытый деревянный дом, клубясь, смешиваясь с запахом экскрементов

и мочи из-за страха, образуя чрезвычайно сильный, почти удушливый запах.

Как на скотобойне.

Тело "Мясника" Чимана уже было покрыто толстым слоем пятен крови, как ярко-красная броня, что было устрашающе.

По мере того, как вожди племени были убиты один за другим, в деревянном доме постепенно становилось тихо.

Остался только последний - патриарх племени Блюскин, дядя Чемана, Линия.

В это время Линия замолчал, и на его лице не было выражения гнева или страха.

Он посмотрел на своего племянника, стоящего перед ним, и равнодушно сказал:

"Скажи мне, почему?"

Чиман, который все это время молчал, наконец заговорил.

Голос был хриплым, как ржавый меч:

"Ради будущего дикарей".

"Будущее дикарей?" Линия, которой уже было стыдно, вдруг снова разозлилась: "Ты своими руками убиваешь будущее дикарей!"

Химан медленно покачал головой:

"Нет, это ты препятствуешь прогрессу одичалых".

Линия на мгновение остолбенела, услышав столь абсурдное замечание.

Чеман невозмутимо продолжил:

"Мы, дикари, тоже потомки предков и андалов. Существенных отличий от людей Речного залива не так уж много. Но прошли тысячи лет, и люди Речного залива построили сотни замков, накормили десятки миллионов людей и организовали бесчисленные мощные армии. А что же мы, дикари?"

Мы - спутники диких зверей и невежества, разделенные на сотни больших и малых племен, сражающиеся друг с другом за смехотворную территорию и добычу, но после столь долгой борьбы, что мы завоевали?

Разве они не осмелились лишь прятаться в багровых горах? Изредка выходят пограбить, а увидев регулярную армию народа хэванов, разве не могут просто сбежать?

Скажи мне, дядя, даже если я на этот раз вместе с тобой изгоню людей из Речной излучины из Багровых гор, что с того?

Мы все равно вернемся к прежнему состоянию, увязнем в трясине варварства, невежества и отсталости. "

Линия усмехнулась и сказала:

"Может быть, ты сможешь изменить будущее дикарей, став собакой для жителей Хевана?"

Чеману было наплевать на оскорбление в словах дяди, и он все равно ответил категорично:

"По крайней мере, это лучший шанс разрушить барьеры между племенами и объединить всех дикарей Багровых гор".

"Даже если так, будущий "Король дикарей" будет дворянином из Речной излучины, а ты всего лишь бешеная собака при нем!"

"Пока дикарь может вырваться из трясины дикости и невежества, что с того, что я бешеная собака?"

Линя молчал.

В тот момент, когда его жизнь вот-вот должна была подойти к концу, он, казалось, наконец-то понял своего племянника.

Конечно, понимание не означает прощения.

Линия не мог простить Чимана за то, что он сделал, но теперь он знал, что остановить племянника невозможно.

Он не знал, приведут ли действия Чимана одичалых к славному будущему или к еще более отчаянной пропасти.

Но Линии вдруг показалось, что, возможно, настало время дать одичалым другого вождя.

"Не будь бешеным псом". Линя подавил ненависть и гнев в своем сердце и стал серьезным: "Люди в Хеуэне попросили тебя убить нас, верно? Если ты убьешь нас, то пожнешь ненависть тринадцати соплеменников. Если в будущем ты убьешь еще больше людей, пятна крови на твоём теле будут накапливаться все больше и больше, пока весь мир не станет для тебя врагом. Поэтому, Химан, контролируй свое желание убивать! Иначе, прежде чем одичалые возвестят светлое будущее, ты уже упадешь в пропасть".

Чиман дернул уголками рта, на его лице появилось странное выражение:

"Я уже в пропасти, дядя".

"Еще не поздно." Линия убеждала: "Багровые горы все еще огромны, и вам уже поздно останавливаться. Будущее одичалых нуждается в тебе".

Циман покачал головой: "Слишком поздно, я убийца рода, и у меня нет будущего".

Линия замерла на мгновение, затем подумала о смерти своего деверя, и цвет ее лица внезапно изменился:

"Ты убил собственного отца?!"

"Есть братья." Чиман шагнул вперед, пронзив грудь Линии кроваво-красным длинным мечом в своей руке: "Теперь есть еще один дядя".

Линя дико зарычал, и кровь непрерывно хлынула из его рта. Однако в его глазах было не столько ненависти, сколько сожаления:

"Ты... зачем ты... делаешь такие вещи... отвратительные для богов..."

Химан посмотрел на своего задыхающегося дядю без выражения и легкомысленно сказал:

"Я тоже благочестиво молился богам, но не получил ответа. Поэтому я решил отдать свою душу дьяволу".

Лёня, казалось, силился что-то сказать, но его разбитое сердце больше не могло поддерживать тело, и он выплюнул последнюю порцию голубой крови. Наконец он наклонил голову и остался неподвижным.

Какое-то время Химан в оцепенении смотрел на тело своего дяди, не зная, о чем он думает.

Только когда крики за домом совсем стихли, он повернулся, подошел к двери и открыл запертую деревянную дверь.

Ноо-

Налетел слегка прохладный ночной ветер, но он не смог растрепать волосы Цимана, которые уже покрылись застывшими кровавыми струпьями.

"Циман, где владыка Линии?"

"А как насчет патриарха нашего племени длиннобородых?"

"И наш патриарх, теперь, когда битва закончилась и мы сдались, можешь ли ты отпустить их?"

...

Столкнувшись с вопросами пленных дикарей, Чиман замолчал.

Только когда все увидели пятна крови на теле Кимана, все изменились в лице и выругались, а некоторые даже бросились вперед, чтобы бороться с Киманом за свою жизнь.

Солдаты поспешили вперед, чтобы остановить их, и даже убили нескольких самых буйных, прежде чем пресечь этот бунт пленных в зародыше.

В это время в лагерь в окружении солдат вошел Самвел.

Группа диких пленников тоже постепенно успокоилась и обратила свое внимание на дворянина из Речного Изгиба, которому предстояло решить их судьбу.

Сэмвелл сначала издали взглянул на Чимана, а затем с теплой улыбкой на лице громко сказал под ожидающими или испуганными взглядами пленных дикарей:

"Любого, кто готов сдаться, я могу освободить от смертной казни!".

Пленники на некоторое время замолчали, а затем разразились радостными возгласами:

"Спасибо доброму господину!"

"Мы готовы сдаться!"

"Мы будем служить!"

...

Химан смотрел на Самвела, которого все поддерживали и подбадривали, сложными глазами.

Под светом оранжевого огня молодой благородный изгиб реки, казалось, излучал божественное сияние.

Но он мог лишь стоять в одиночестве в темном и холодном углу, источая ауру, которую люди презирают как призраков.

Химан рассмеялся, покачал головой, затем прижал правую руку к груди и громко сказал:

"Преданность, посвященная величайшему Цезарю!".

"Величайшему Цезарю!"

"Цезарь!"

"Цезарь!"

"Цезарь!"

...

Звуки ликования были громче, чем волна за волной, проносящиеся по лесу, как сильный ветер.

(конец этой главы)

<http://tl.rulate.ru/book/86424/2989103>